

Кто не рискует, тот не торгует

G7 согласовала новую стратегию в отношении Китая. Приведет ли это к реальным изменениям в отношениях с азиатской сверхдержавой? Вряд ли.

Какими должны быть отношения с Китаем? Западные индустриальные страны уже длительное время пытаются выработать убедительную стратегию противодействия Поднебесной. В частности, одним из результатов недавнего саммита G7 в Хиросиме стала разработка такой совместной стратегии в отношении Китая – по крайней мере, в теории. Согласно итоговому коммюнике, семь экономических сверхдержав, образующих G7, соглашаются, что речь идет не о полной экономической сепарации от Китая, а об избежании рисков и уменьшении зависимостей. Эта стратегия теперь обозначается модным англосаксонским термином «дерискинг», то есть «минимизация рисков». Собственно, вот и теория. Однако непонятно, будет ли реализована эта политика на практике, и если да, то каким образом. Несмотря на единогласные заявления правительств G7, можно предположить, что каждая страна – в зависимости от собственных интересов – будет понимать «дерискинг» по-своему.

Два крупных события, а именно эпидемия коронавируса и война России против Украины, привели к переоценке отношений с Китаем как внутри, так и за пределами G7. Пандемия показала уязвимость экономических цепочек поставок, особенно в Европе, когда стало очевидным недостаточное снабжение срочно необходимых медицинских препаратов. Первоначальная шоковая реакция на это привела к размышлениям и дискуссиям о возможности экономической самодостаточности. Но эти дебаты быстро завершились после того, как «экономисты», прежде всего сторонники глобализации, объяснили, что самодостаточность не является реальной альтернативой, учитывая нынешнюю сильную экономическую взаимозависимость.

Война России против Украины остро подчеркнула зависимость от российских энергоносителей и сырья. Поскольку экономические отношения с Китаем во всех индустриальных странах еще шире – и

поэтому могут стать проблемными в случае кризиса – начала распространяться концепция диверсификации источников поставок. Чтобы не оказаться в ситуации зависимости от Китая, сейчас нужны дополнительные источники, что позволит найти баланс между национальной безопасностью и экономическими интересами. Если коротко: существует ли угроза для национальной безопасности, контролирует ли Китай критическую инфраструктуру, если китайские технологии, особенно высокие, приобретают широкое применение, а Китай продолжает активно инвестировать [в них] во всем мире? Но насколько значительным будет экономический ущерб, если сотрудничество с Китаем, второй экономикой мира, сознательно ограничить ради собственной устойчивости?

«Декаплинг», то есть «разъединение», стал жестким, четким ответом обеих партий США на конкуренцию с Китаем в последние годы. Первым эту политику инициировал бывший президент Дональд Трамп. США начали радикальную политику отделения и ввели далеко идущий экспортный контроль, особенно в сфере критических технологий, чтобы лишить своего внешнеполитического соперника доступа к важным высокотехнологичным разработкам. Ни ЕС, ни Япония не придерживаются такой жесткой линии. ЕС продолжает держаться за формулу, которую пропагандировал годами: Китай – это партнер и конкурент, но также системный противник. В этой европейской концепции каждая страна может сама для себя интерпретировать, какой из трех аспектов наиболее значим. Итак, и группа G7, и 27 членов ЕС проводили политику, которую можно назвать убедительной стратегией в отношении Китая.

Очевидно, остальные шесть членов G7 смогли убедить США отказаться от жесткой политики «декаплинга». Ведь в итоговом коммюнике встречи G7 в Хиросиме буквально указано, что G7 предпринимает «конкретные шаги» в рамках совместной политики укрепления экономики, которая основана на «диверсификации и углублении партнерских отношений и дерискинга, а не декаплинга». То есть речь идет о снижении рисков, а не о прекращении отношений с Китаем. А в другом месте коммюнике сказано еще четче: «Наши политические подходы не направлены на то, чтобы навредить Китаю, и мы не пытаемся помешать экономическому прогрессу и развитию Китая».

Рост Китая при условии соблюдения им международных правил был бы в интересах всего мира. Мы не обособляемся и не замыкаемся в себе. В то же время мы осознаем, что экономическая устойчивость требует снижения рисков и диверсификации. Мы будем принимать

индивидуальные и коллективные меры, чтобы инвестировать в собственную экономическую динамику. Мы уменьшим чрезмерную зависимость наших критических цепей поставок.

Термин «дерискинг», который изначально использовался в сфере финансов, приобрел большую популярность, когда президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен несколько раз сказала о «дерискинге» в своей программной речи перед поездкой в Пекин в марте 2023 года: «Я считаю, что отделение от Китая не имеет смысла и не в интересах Европы. Наши отношения не черно-белые – и наш ответ тоже не может таким быть. Таким образом, мы должны сосредоточиться на том, как уменьшить риски, а не на том, как разорвать отношения».

Так является ли концепция «дерискинга», предложенная G7, существенно новой стратегией против Китая? В мартовской программной речи фон дер Ляйен уже прямо упоминала о необходимости «разработки новых инструментов защиты» в критических сферах, особенно в таких областях высоких технологий, как микроэлектроника, квантовые компьютеры, робототехника, искусственный интеллект, биотехнологии. Правительства Великобритании и Японии переняли эту политику, в то время как США сейчас также говорят о «дерискинге». Итак, американская и европейская позиции сближаются. Впрочем, приведет ли это к конкретным изменениям, пока неясно.

Китай отреагировал достаточно оперативно. Правительство в Пекине обвинило G7 и прежде всего США в «экономическом принуждении», клевете на Китай и вмешательстве во внутренние дела страны. Пекин даже сделал такое заявление, имея в виду комментарий британского премьера Риши Сунака, что Китай представляет наибольшую угрозу для мира: «Высказывания британской стороны – не что иное, как пересказ чужих слов и злобная клевета, которая не соответствует действительности». С одной стороны, китайское правительство сигнализирует, что остается открытым к экономическому сотрудничеству. С другой – переходит к контрмерам. Сразу после саммита G7 китайское правительство подвергло американскую компанию Micron Technology, которая производит полупроводники в Китае, проверке на кибербезопасность. Цель этой меры – «обеспечение безопасности цепочки поставок информационной инфраструктуры». Другими словами, око за око, зуб за зуб – таков китайский ответ.

Так что же нового в инициированной G7 политике «дерискинга»? Этот термин, вероятно, вызывает меньше негативных ассоциаций,

чем «декаплинг». Снижение рисков, вероятно, звучит более дипломатично, чем четкий призыв к отделению или разъединению. «Кто бы не хотел уменьшить риски? – комментирует Бейтс Гилл, эксперт по Китаю и бывший директор шведского Института исследования проблем мира (SIPRI). – Это просто риторически гораздо более разумный способ размышлять над тем, что надо сделать». Тем не менее есть основания опасаться, что эта стратегия минимизации рисков вряд ли изменит что-то в экономическом противостоянии Китая и стран G7. Позиции до сих пор жесткие.

Герберт Вульф

Дуйсбург

Профессор, доктор Герберт Вульф (Herbert Wulf) с 1994 по 2001 год возглавлял Боннский международный центр по конверсии (BICC). Он остается ведущим научным сотрудником BICC, а также старшим научным сотрудником института проблем развития и мира в университете Дуйсбург – Эссен, исполнительным директором которого был ранее, а в 2012 – 2013 годах работал в должности старшего научного сотрудника в исследовательском центре Käthe Hamburger Kolleg.

